

**ИЗБРАННЫЕ РУНЫ
АРХИПА
ПЕРТТУНЕНА**

*Перевод, вступительная статья и примечания
ВИКТОРА ВСЕЕВА*

1948

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
ПЕТРОЗАВОДСК

ПЕВЕЦ РУН АРХИП ПЕРТТУНЕН

На восточном склоне Маасельги, на берегу Ладвозера, в районе Калевальы Карело-Финской ССР, широко раскинулась деревня Ладвозеро, в которой жили знаменитые певцы карело-финских рун из рода Перттуненов.

Один из представителей этого рода Архип Иванович Перттунен родился, примерно, в 1754 году. Точная дата его рождения не установлена. Вырос он в бедняцкой карельской семье и, по его собственным словам, от отца воспринял исполняемые им руны, увековечившие его имя.

«Будучи с неводом на берегу озера Лапукка, — рассказывал А. Перттунен Ленроту, — мы обычно отдыхали у костра... Помощником у нас был один крестьянин из дер. Лапукка, тоже хороший певец, но все же уступавший в этом моему отцу. Часто целыми ночами они пели, взявшись за руки, у костра и никогда одной и той же руны дважды не повторяли. Я был тогда маленьким мальчиком, — продолжал рассказывать Архип Ленроту, — и слушал, их понемногу научившись петь их лучшие песни. Но многое уже забыл».*

О своем отце А. Перттунен всегда отзывался восторженно. Вообще о его отце «большом Иване» в дер. Ладвозеро рассказывали полулегендарные истории. Говоря Ленроту о песнях своего отца, Архип заявил, что «если бы тогда кто-либо, как и теперь, искал песни, то и в две недели не успел

* Elias Lönnrotin matkat, I, Helsinki, 1902, s. 221—222.

бы записать то, что знал один лишь мой отец».* По сведениям, собранным финским фольклористом Борениусом, об Иване Перттунене вспоминали односельчане даже в 1870 году. Семейные предания, записанные Борениусом, повторяет в своей монографии о «Калевале» и датский ученый Урт.**

Воспоминания и рассказы Архипа о его отце и переятых от него песнях сохранились в путевых заметках Ленрота и служат ценным материалом для биографии нашего маститого карело-финского сказителя, тем более, что полную биографию Ленрот не записал от Архипа.

Архип Перттунен был единственным сыном в семье. У него было три сестры, из которых Мария, выданная замуж в Келеваракку, также была, судя по записям, сделанным от нее Ленротом, незаурядной певицей рун.

Всю жизнь Архип прожил в родной деревне. Он был невысоким, но коренастым и сильным мужчиной. Рассказывали, как однажды, неся на плечах пять четвериков ржи (около семи пудов), он предложил своему другу — Юрию Ивашкину: «Давай посмотрим, брат, кто из нас дальше пробежит», и с ношей на плечах пробежал довольно большое расстояние, оставив далеко позади своего друга-односельчанина. Рассказы о необычайной силе А. Перттунена записаны от потомков этого певца даже в 1916 году финским этнографом С. Паулухарью.

Ленрот отмечал в Архипе Перттунене много положительных качеств. «Хотя дом Архипа и был беден, — писал Ленрот, — но мне он казался более приветливым, чем многие зажиточные. Самого старика Архипа все домочадцы уважали, точно древнего патриарха; таким он мне и представлялся. Вместе с тем он был свободен от многих предрассудков, которые везде здесь господствуют. Он и все домочадцы ели со мной за одним столом и из одной и той же посуды, что в этих местах редко наблюдается»***

В возрасте 80 лет А. Перттунен, вплоть до встречи с Ленротом, отличался хорошей памятью. Целых три дня, с

* Elias Lönnrotin matkat, I, Helsinki, 1902, s. 222.

** F. Ohrt. Kalevala kansanrunoelmana ja kansalliseepoksena. Helsinki, 1909, s. 117 (перевод с датского). Kalevala som tolkdigtning of national epos. Kopenhagen, 1908.

*** Elias Lönnrotin matkat, I, Helsinki, 1902, s. 222.

раннего утра и до позднего вечера, без перерыва он пел Ленроту свои эпические песни-руны.

Но в письме к Кекману от 1 мая 1834 года Ленрот высказывал опасения, что вряд ли он успел записать от Архипа Перттунена все, так как тот знал большое количество рун, а сам Ленрот из-за недостатка средств на четвертый день был вынужден уехать из Ладвозера.

Кроме Ленрота, от А. Перттунена записывали финский собиратель карело-финского фольклора Каян в 1836 году и известный финноугровед Кастрен — в 1839 году.

Кастрен был заинтересован в записи обрядовой поэзии, но Архип заявил, что свои заговоры он считает менее ценными, чем руны. Не отличаясь, по словам Кастрена, особой религиозностью, А. Перттунен, тем не менее, считал исполнение заговорных песен делом греховным. Разочаровавшись, Кастрен сделал от Архипа некоторые записи и уехал, почти ничего нового не выявив. Кастрен записал от А. Перттунена лишь одну такую руну, которая отсутствует в записях Ленрота.

Архип Перттунен — выдающийся певец рун, это считали бесспорным все исследователи карело-финского народного эпоса. Они сопоставляли его лишь с такими крупнейшими карело-финскими певцами рун, как Юхана Кайнулайнен, Андрей Малинен.

В общей сложности от Архипа записано около 60 песен, что составляет до 2000 стихов рун, и сверх того несколько тысяч стихов других народных песен.

Творческое лицо Архипа Перттунена, как и любого другого певца рун, выявляется, главным образом, в композиции его рун, в том, как он из народных фольклорных мотивов создает сюжетно-законченную руну. Руны Архипа Перттунена в композиционном отношении значительно отличаются от рун канонизированного текста «Калевалы». Каждая руна Архипа Перттунена в какой-то мере является сюжетно-законченной поэмой связанной с его другими рунами общностью их героев, в то время как у некоторых других карельских сказителей наблюдается тенденция к объединению разных рун в единую эпопею, что приводило к отсеvu отдельных эпизодов сочетаемых воедино рун. Заслуга Ленрота заключается в том, что он удачно совмещал эти два направления в развитии эпоса.

Единственную попытку сюжетно связать две разные руны мы наблюдаем в руне Архипа Перттунена о поездке в Туонелу, которая, в отличие от вариантов, записанных от большинства других карельских сказителей, начинается с мотива о приготовлениях пира Пяйвелы: этот мотив характерен для рун о поездке Лемминкяйнена на пир Пяйвелы.

Однако Архип Перттунен по пути циклизации рун зашел очень недалеко, и поэтому творческая характеристика Архипа ни в коем случае не может ограничиваться одними лишь ссылками на композицию его рун. Творческая самостоятельность Архипа Перттунена сказывается в выборе сюжетов и особой трактовке того или иного образа рун, в наделении героев рун особыми психологическими чертами, а иногда и в придании руне определенных оттенков, так например, мотив рыбной ловли у других северокарельских сказителей обрисован не так ярко, как у А. Перттунена в его руне о Лемминкяйнене.

Архип Иванович Перттунен — прекрасный знаток традиционной эпической поэтики. В ряде рун Архип Перттунен использует такой широко применяемый сказителями прием композиции, как контраст. Так, контрастом определяется в руне о Кавкомьели поведение этого героя по отношению к советам его матери, точно также на приемах контраста строится руна Архипа о состязании в пении Вейнемейнена с Евкахайненом. Само собой разумеется, что, подобно композиции рун других сказителей, вся композиция рун Архипа Ивановича Перттунена строится на диалоге, который придает его рунам особую драматическую напряженность. Зачины и исходы в рунах А. Перттунена, как например в его рунах о Лемминкяйнене, о новорожденном в Похьоле и о большом быке, характеризуется образностью, богатством и красочностью своего звучания, подчас не передаваемыми в переводе на русский язык. Иногда эти зачины и исходы в записях от А. Перттунена образуют самостоятельные лирические песни, приводимые в особом разделе этого сборника. Так, образцом его зачина может служить руна, начинающаяся со слов:

Сам пою я песни дедов,
Передам здесь в древних рунах
Все слова, что раньше слышал,
Все, которым научился.

Но не менее образны и красочны по своему звучанию и исходы рун Архипа. Образцом исхода является публикуемая здесь запись Ленрота, в которой А. Перттунен, желая указать, что его репертуар далеко не исчерпан исполненными им и записанными от него рунами, пел:

Даже лучший песнопевец
Не поет своих всех песен,
Как и водопад бурливый
Всей воды не исчерпает...

Классический зачин рун, в котором говорится о первоначальном исполнении рун двумя певцами, иначе об «амебейном» исполнении рун, остался от А. Перттунена не записанным. Как известно, такое исполнение рун сводилось к тому, что один певец пел первый стих, второй певец в той же ритмике перепевал другими словами содержание этого стиха во втором стихе, создавая, таким образом, поэтический повтор, — тем временем первый складывал третий стих и пел его, второй певец перепевал его в четвертом стихе и т. д.

Архип Перттунен рассказывал Ленроту о соревнованиях в пении рун и утверждал, что и он участвовал в подобных состязаниях и ни разу не помнил себя побежденным в искусстве пения. Но при Архипе эти состязания выливались в особые формы: сначала один поет какую-либо песню, затем другой поет вторую, такую же длинную песню, потом первый запекает третью песню, второй — четвертую и так до поздней ночи.

Ленрот же указывает, что, когда он производил записи от А. Перттунена, то «амебейное» исполнение рун уже не наблюдалось. Однако, поскольку такой прием поэтики, как повторы, особенно характерен для рун А. Перттунена, постольку можно говорить, что его поэтическая традиция восходит непосредственно к «амебейному» исполнению рун. Приводя к некоторой замедленности повествования, повторы, имеющиеся в рунах Архипа Перттунена, делают сюжет этих рун более развернутым в своих коллизиях, они сжимают этот сюжет, внося новые образы, новые мотивы, развивая, разворачивая само повествование. Такого рода повторы имеются в руне Архипа о соревновании в сватовстве, в которой рассказывается о том, как Вейнемейнен.

Посмотреть поехал децу,
Шел он свататься к девице...

В рунах Архипа Перттунена встречаются не только такие простые повторы отдельных слов и строф, но и повторы целых эпизодов и мотивов, которые приводят к еще большей замедленности повествования. Например, в той же самой руне трижды повторяется обращение Вейнемейнена к хозяйке Похьолы.

На каждом шагу в рунах Архипа появляются и традиционные поэтические параллелизмы. Анализу этого приема поэтики рун Архипа Перттунена целую монографию посвятил немецкий филолог В. Штейниц.* Из многочисленных видов параллелизмов в рунах наибольший интерес представляют так называемые синонимические, двуязычные параллелизмы. Однако Штейниц почему-то отмечает не все, имеющиеся в рунах А. Перттунена двуязычные, как карело-финские, так и карело-русские параллелизмы. Даже в тех случаях, когда он приводит примеры таких параллелизмов, комментарии исследователя не раскрывают серединную роль карельской речи в их образовании, и на основании такого анализа немецкий исследователь не приходит к естественному выводу об активной роли карел в их фольклорных связях с финнами на западе и русскими на востоке.

Не менее часто в рунах А. Перттунена встречается и такое явление, как постоянные эпитеты. Вейнемейнен всегда называется старым, Евкахайнен — юным, Похьола — темной, сумрачной.

В значительно меньшем количестве руны Архипа содержат примеры частного случая параллелизмов-сравнений, встречающихся, например, в его руне о Кавкомбели, где этот герой коварному Руотусу

Голову с плеч отсекает,
Режет, как ботву от репы...

Представление о поэтике рун А. Перттунена было бы неполным без характеристики звуковой стороны его рун, их ритмики. Ритмика рун Архипа Перттунена однообразна, преобладает четырехстопный хорей, в котором лишь изредка, обычно в начале нового периода, первая стопа переходит в дактиль. Это однообразие ритмики в значительной мере способствовало консервации текста рун. Руны

*W. Steinitz. Der Parallelismus in der Finnisch-Karelischen Volksdichtung. Untersucht an den Liedern des Karelischen sängers Arhippa Perttunen (FFC, № 115, Helsinki, 1934, s. 158, 191, 215).

Архипа Ивановича буквально построены на аллитерациях, и не случайно финляндские исследователи рун на сюжет «Калевалы» всегда приводили в своих трудах примеры аллитерации именно из рун А. Перттунена.*

Руны Архипа Перттунена имеют огромное историко-познавательное значение. В них нашли свое отражение самые разнообразные явления жизни. Из рун Архипа можно почерпнуть интересные сведения о быте родовой общины, о первобытной материальной культуре материнского и отцовского родов. Охота, рыболовство, земледелие — все это изображено в рунах А. Перттунена. В рунах Архипа Ивановича дается не менее яркая картина и более поздних общественных отношений, связанных с социальным неравенством, с элементами домашнего рабства. Труд, приносящий счастье народу, прекрасно воспет Архипом, как воспета им и борьба героев рун за это счастье, олицетворенное в образе Сампо.

Своеобразие рун Перттунена особенно выделяется при сравнении этих рун с соответствующими рунами других сказителей.

Ведь какая сила художественного образа заключена в следующих строках руны А. Перттунена об излечении Вейнелэ от безыменной болезни:

Полегли сыны Вейнелэ,
Заболели все в Войоле
Безыменной болезнью,
Так что пол гниет под ними,
Потолок покрылся гнилью.

Между тем этот поэтический образ, как и вообще вся руна об излечении Вейнелэ, почти совсем отсутствует у других северокарельских сказителей. Это дает нам некоторые основания думать, что в данном случае художественный образ руны развивался и совершенствовался, главным образом, в роде Перттуненов, и в придании художественной выразительности этому образу немалую роль сыграл и Архип Перттунен — достойный представитель славного рода сказителей.

Таким же образом из 140 вариантов рун о Сампо лишь в рунах, записанных от А. Перттунена и его сына

*Salminen. Suomalaisten muinaisrunojen historia, Helsinki, 1934, s. 187.

М. А. Перттунена да еще от двух-трех сказителей дер. Войницы, встречается фольклорный мотив о том, как кузнец Ильмаринен изготовлял Сампо:

Из пушинки лебединой,
Из кусочка веретенца,
И из молока коровы,
И из ячменя крупинки.

Однако не только определенные мотивы рун, но и целый ряд мотивов лирических песен Архипа можно рассматривать как прямое доказательство творческой одаренности нашего певца, по-своему переосмыслившего унаследованные от отцов и дедов руны, а возможно и сложившего на основе старой устно-поэтической традиции некоторые свои новые песни, как например короткую лирическую песню, в которой имеются следующие стихи:

Ветер знает все пространства,
И лишь я не знаю, бедный,
Как мне быть и как мне жить здесь.
В этот возраст престарелый?
Исчезают ломти хлеба...

Но заключительные строки этой песни звучат оптимистически, что вообще характерно для Архипа Ивановича:

Но печаль мы в море бросим,
Силой песни уничтожим,
Пусть в веселье век проходит,
Пусть здесь радость воцарится.

Сын Архипа Перттунена — Михаил Архипович — и его внуки и правнуки достойно продолжали славную песенную традицию своего знаменитого отца и деда после его смерти, наступившей, видимо, в конце 1840 года.

Сын Архипа Перттунена — Михаил Архипович — родился в 1815 году. Он, в свою очередь, значительно обогатил наследие своего отца. Михаил Архипович, как и его отец, был крестьянином, занимался хлебопашеством и рыболовством, шил шубы и готовил овчины.

Бедность и нужда господствовали в доме Михаила Архиповича Перттунена, и это особенно заметно было весной. Но бедность не придавила Михаила Архиповича; как и у других карельских сказителей, в нем не угасли творческие возможности и вера в будущее счастье. Жизнелюбие и оптимизм, выраженные в рунах Перттуненов,

создали всеобщую известность «Калевале» — этому памятнику культуры мирового значения, созданному карело-финским народом.

Перед переводчиком избранных рун Архипа Перттунена, которые вошли в данный сборник, стояли большие трудности. Необходимо было в издании дать точный перевод рун Архипа Ивановича, без чего немислимо их использование в научно-исследовательских целях, и в то же время сохранить поэтические достоинства оригинала и прежде всего его ритмику, которая характерна для рун А. И. Перттунена. Для того, чтобы достигнуть этого, нам пришлось пожертвовать передачей остальных приемов поэтики, присущих карело-финскому эпосу (например аллитерации), так как это отразилось бы в первую очередь на точности перевода.

В. Евсеев

ЭПОС

САМПО

Остроглазый Лаппалайнен
Был озлоблен, зло таил он,
Отомстить ему хотелось
Вейнемейнену седому.
Ждал он день, прождал он вечер,
Что проедет Вейнемейнен,
Что пройдет Ументолайнен.
Вот уж старый Вейнемейнен
Во свои уселся сани,
В те узорные уселся,
На лошадке светлой масти,
На невзрачной кляче едет.
Проезжает путь поспешно,
По хребту морскому едет,
По равнине вод открытых.
Косоглазый Лаппалайнен
Ждет его и днем и ночью,
Вот однажды, ранним утром,
Что-то черное заметил,
Что-то синее на волнах.

Лук он огненный хватает,
Красный, на огне каленый,
Лук натягивает быстро,
К тетиве он прилагает
Лучшую из стрел точеных,
Молвит ей слова такие:
«Коль рука нацелит низко —
Пусть стрела летит повыше,
Коль рука нацелит кверху —
Пусть стрела помчится ниже».
И под старым песнопевцем
Подстрелил он тут лошадку,
Ту лошадку масти светлой
Он пронзил стрелой каленой
Через правую лопатку,
Через левую подмышку.
Верный старый Вейнемейнен
Распростер на волны руки,
Пал ладонями на воды.
Шесть уж лет плывет он морем,
Целых семь без перерыва,
Точно сук сухой от ели,
Точно ветвь сосны несется,
Плачет, слезы проливает:
«Подымись, великий ветер,
Дождь пошли ты, непогоду,
Волны черные на море,
На равнины вод открытых».
И подул великий ветер,
Дождь послал он, непогоду,
Волны черные на море,
На равнину вод широких.
Вейнемейнена относит
В темный край Похьолы мрачной,
К камню пестрому относит,

К одинокому утесу...
Плачет, слезы проливает.
А хозяйка той Похьолы
Встала рано, как обычно.
Встала очень рано утром,
Натопила домик скоро,
Подмела свою избушку,
Отнесла на дворик мусор,
В поле заднее убрала
И сама на мусор стала.
Слышит старая хозяйка
И, прислушиваясь, смотрит.
Слышит, будто плачет кто-то. —
Плачут так одни герои.
«Так здесь женщины не стонут,
Так лишь плачет Вейнемейнен,
Так лишь стонет Унтамойнен».
Тут владычица Похьолы
Суетливо заспешила,
В платя лучшие оделась,
В подобающие платя.
К Вейнемейнену бежала.
Слово молвила такое:
«Что ты плачешь, Вейнемейнен,
Что ты стонешь Унтамойнен?»
Молвил старый Вейнемейнен:
«Плачу я о том, горюю,
Очень долго уж печалюсь,
Что попал в края чужие,
И к чужим дверям попал я».
Говорит старуха Похьи:
«Чем меня ты награди бы,
Если б из чужого края,
От дверей тебе далеких
Я тебя туда вернула,

Где тебе поет петух твой?»
Молвил старый Вейнемейнен:
«Что ты у меня попросишь?»
Говорит старуха Похьи:
«Сампо новое мне сделай,
С пестрой крышкой мукомолку
Из пушинки лебединой,
Из кусочка веретенца;
Ты возьми кусочек шерсти,
Молока из-под коровы,
Ячменя возьми крупинку!»*
Молвил старый Вейнемейнен:
«Не могу сковать я Сампо,
Крышку пеструю устроить, —
Ильмаринена пришлю я,
Это лучший наш кователь,
Он сумеет сделать Сампо».
И тогда старуха Похьи
Смерть от мужа отогнала,
Подняла на руки старца,
Отнесла к себе, в свой домик;
Напоила, накормила,
Отняла его у смерти,
Жеребца она послала,
Жеребца с льяною гривой
Из Похьолы вечно мрачной,
Из печальной Сариолы,
Из деревни людоедок,
Где героев топят жены.
Дома старый Вейнемейнен
К кузнецу спешит скорее,
Молвит там такое слово:
«О, кузнец, ты, Ильмаринен,
Шурин, дяди сын родимый!

* Сампо мыслится как источник всех земных благ народа.

Не посмотришь ли девицу,
Деву с пышною косою,
В темной, сумрачной Похьоле
Высватал тебе я деву!»
И кузнец тот Ильмаринен,
Он почистился, умылся
И от копоти осенней,
И от всей-то грязи зимней;
Подошел к дверям он смело,
На замок он запер двери.
В сани он скорей уселся,
В санках пестрых развалился,
Жеребца кнутом ударил,
Бил кнутом с жемчужной ручкой;
Жеребец помчался быстро
В вечно мрачную Похьолу,
В сумрачную Сариолу,
В села, где мужчин съедают,
Где героев топят жены.
Ильмаринена в Похьоле
Та беззубая старуха
Сампо делать заставляла
Из пушинки лебединой,
Из кусочка веретенца,
И из молока коровы,
И из ячменя крупинки.
И кузнец тот Ильмаринен
Сампо днем кует прилежно,
Ночью с девушкой резвится.
Вот уж мастер Ильмаринен
Скоро Сампо изготовил,
Сделал крышку с пестрым верхом,
Но девицы не коснулся.
Сампо новое уж мелет,
С пестрой крышкой мукомолка.

Рано утром меру мелет,
Меру мелет на потребу,
А другую — для продажи,
Третью меру — для запаса.
Рада мать людей Похьолы,
Отдает свою дочурку,
Кузнецу, что сделал Сампо,
Вековечную невестой,
Курочкой ему подмышку,
Что постель ему постелет
И сама его разует.
Едет мастер Ильмаринен,
Едет он домой и слышит,
Как кукушечки кукуют
Перед пестрыми саями,
Видит — белочки резвятся
Вдоль оглобель, санок пестрых,
И тетерки тут воркуют
На дуге у жеребенка.
Едет мастер Ильмаринен,
И одной рукой он правит,
А другой — девицу держит.
Вот уж дома Ильмаринен.
Тут-то старый Вейнемейнен
К Ильмаринену заходит:
Кузнеца он вопрошает:
«Брат, кузнец мой, Ильмаринен,
Шурин, дяди сын, родимый.*
Сделал новенькое Сампо,
Крышку пеструю устроил?»
Молвил мастер Ильмаринен:
«Сампо новое я сделал
Лишь из молока коровы.

* В синонимичности этих разных терминов отражаются перво-
бытные родовые отношения.

Из пучечка белой шерсти,
Из кусочка веретенца
И из ячменя крупинки».
Молвил старый Вейнемейнен:
«Сампо новое мололо,
С пестрой крышкой мукомолка?»
И ответил Ильмаринен:
«Мелет Сампо очень быстро,
Меру мелет на рассвете —
Меру мелет на потребу,
А другую — для продажи,
Третью меру — для запаса».
Старый верный Вейнемейнен
Видит в тех известьях правду:
Сделал лодку он скорее,
Лодку он спустил на волны
И такое слово молвил:
«Кто же здесь вторым героем
В путь отправится со мною?»
— «Это Тьера, Ньеры сын он,
Будет лучшим твоим другом».
Парус он поднял на лодку,
Точно сосенку на горку;
Синим морем он несется,
За рулем сидит отважный.
Два денька плавает на лодке,
Видит он врата Похьолы,
А на них блестят все петли,
Слышит, как скрипят ворота.
Старый верный Вейнемейнен
Руку опустил в карманчик,
Кошелек раскрыл скорее,
Взял снотворные иголки,
Усыпил он легионы
Всех язычников Похьолы,

Синим морем он несется
Прямо в темную Похьолу.
Молвил он слова такие:
«О ты, Тьера, Ньеры отпрыск,
Лучший друг мой и приятель,
Ты иди, носи мне Сампо,
С крышкой пестрой мукомолку».
Вот уж Тьера, Ньеры отпрыск,
Хитрый и всегда послушный,
Легкий, похвалы достойный,
Попытался взять то Сампо,
С крышкой пестрой мукомолку.
Но не мог поднять он Сампо,
Сдвинуть крышку с пестрым верхом, —
Сампо в землю вкоренилось.
И тогда сам Вейнемейнен
Поднимать пошел он Сампо,
Пеструю сдвигать ту крышку.
Но не сдвинулось Сампо,
Сампо в землю углубилось;
Старый верный Вейнемейнен
Стал выпаживать он корни,
На быке пахал сторогом,
С тысячью рогов животном.
И отнес он Сампо в лодку,
Положил на дно той лодки.
Старый верный Вейнемейнен
Выплывает в сине море,
День плавает, плавает второй день,
Третий день уже плавает он
Из Похьолы вечно мрачной.
Вот журавль воскликнул громко,
Голосом своим противным
Всю Похьолу пробуждает,
Всю противную общину.

И беззубая старуха
Посмотреть на Сампо хочет:
«Унесли отсюда Сампо,
С крышкой пестрою украли».
Лодку делает старуха,
Сто мужчин грести сажает,
К веслам сто мужчин сажает;
Сто мужчин сидят с мечами,
Сто мужчин — стрелков отличных, —
В синем море едет лодка.
Вот уж Тьера, Ньеры отпрыск,
Слово вымолвил такое:
«Эй ты, старый Вейнемейнен,
Спой-ка, витязь благородный,
Сампо чудное доставши
И пройдя уж путь немалый!»
Молвил старый Вейнемейнен:
«Рано радоваться, знайте,
Время петь не наступило:
Вижу я врата Похьолы
Засверкали в Сариоле,
Грозные врата открылись.
Двери скверные скрипят там,
Если бы свои открылись
И свои скрипели двери,
Вот тогда бы можно петь нам,
Время б радоваться было».
И еще такое молвил
Старый мудрый Вейнемейнен:
«Слушай, лучший мой приятель,
Поднимись на мачту лодки,
Все кругом ты осмотри там,
Осмотри восток и запад,
Осмотри и берег Похьи».
Вот уж Тьера, Ньеры отпрыск.

Хитрый и всегда послушный,
Легкий, похвалы достойный,
Лезет он на мачту лодки,
Осмотреть кругом он хочет,
Смотрит на восток и запад,
Смотрит он на берег Похьи
И такое слово молвит:
«Подплывает лодка Похьи,
Сто мужчин гребут в той лодке,
Сто мужчин сидят на веслах,
Сто мужчин сидят с мечами,
Сто мужчин — стрелков отличных».
Вот уж старый Вейнемейнен
Видит, что беда подходит,
Видит, что пришло несчастье.
Сунул руку он в карманчик,
Кремня он достал кусочек,
Трут извлек он из кармана,
Трут и кремень бросил в воду,
В направлении Похьолы,
Через правую лопатку
И под левую подмышку.
Старый верный Вейнемейнен
Сам такое слово молвил:
«Пусть на море мель явится,
Скрытый остров под водою,
Чтоб с востока протянулся
Он на запад, бесконечный,
Пред героями Похьолы,
Пусть на мель та лодка станет,
Остановится пусть лодка!»
Стала лодка из Похьолы,
Раскололась лодка Похьи;
Но старуха из Похьолы
Жаворонком вверх вспорхнула,

Вверх на крыльях воробьиных
И летит она высоко,
Над хребтом спокойным моря.
Над простором вод широких,
Носится, парит орлицей.
Вейнемейнена седого
Лодку хочет опрокинуть,
В щепки разломавши лодку.
Говорит тут Вейнемейнен:
«О ты, Тьера, Ньеры отпрыск.
О ты, лучший мой приятель,
Ты теперь свой меч возьми-ка.
Правой ты возьми рукою,
С левого бедра возьми-ка».
Тьера стал рубить орлицу,
По когтям ее ударил,
Но не мог убить он птицу,
Он ее не ранил даже;
После двух ударов сильных
Третий раз еще ударил,
Но не мог убить орлицу,
Не сумел ее он ранить.
Сам тут старый Вейнемейнен
Поднял руль, весло из моря,
Он из волн поднял лопату.
По орлице он ударил,
По костям могучей птицы.
Палец маленький остался,
Им старуха держит Сампо.
Вот уж старый Вейнемейнен,
В руку взяв свой меч тяжелый,
В руку правую взяв острый,
С левого бедра схватил он,
Изрубил в куски он Сампо,
Крышку пеструю он бросил.

На хребет морской могучий,
На просторы вод широких.
Ветер те куски развеял,
Буря их поразбросала
Через синее море.
Ветер снес обломки Сампо
На морской далекий берег,
На края морей бездонных,
А старуха из Похьолы
Крышку отнесла в Похьолу,
В ту холодную деревню;
Безымянным взявши пальцем,
Левым пальцем относил.

СОСТЯЗАНИЕ В ЛЕНИИ

Отрок юный, Евкахайнен
И премудрый Вейнемейнен
Друг на друга наезжают,
Тут дуга с дугой столкнулись,
И гужи переплелся.
Молвил старый Вейнемейнен:
«Кто из нас сильнее в познаниях,
Пусть проедет по дороге;
Кто из нас поменьше знает,
Тот дорогу пусть уступит».
Молвил юный Евкахайнен:
«Я взрыхлая здесь раньше землю,
Выкопал озера рыбам,
Свод небесный я наладил.
Звездами покрыл все небо!»
Возражает Вейнемейнен:
«Здесь я слышу детский лепет.
Не мужские разговоры.

Это я взрыхлая здесь землю,
Выкопал озера рыбам,
Звездами покрыл все небо,
Был я здесь мужчиной третьим,
Что наладил свод небесный,
Что, как лук, согнул все небо,
Что на небе ставил звезды!»
Евкахайнена младого
Погрузил до плеч в болото,
До затылка в луг болотный,
Под дубраву до подмышек.
Молвил юный Евкахайнен:
«О ты, старый Вейнемейнен,
Вековечный заклинатель,
Ты, хранитель лучших песен,
Возврати слова святые
И сними с меня заклатья».
Молвил старый Вейнемейнен:
«Что за это мне подаришь,
Если я сниму заклатья?»
— «Целых два имею лука,
Серебра мешочек полный.
Лук один стреляет метко,
Сильно бьет другой по цели,
Ты любой бери на память».
Возражает Вейнемейнен:
«Никому твой лук не нужен,
Не нужны твои мне стрелы,
У меня и лук получше,
Мне не нужен лук твой детский».
Молвил юный Евкахайнен:
«Двух жеребчиков имею,
Бегают один прекрасно,
И другой везет отлично;
Жеребца возьми любого,

Возврати слова святые
И сними с меня заклатья».
— «Жеребцов твоих не надо,
Кляч иметь я не желаю,
Жеребца я сам имею,
Нет наездников на свете,
Кто бы обуздал красавца,
Кто им взбороздил бы ниву;
Конь бегом спешит от речки,
На хребте вода струится,
На спине блестит озерко».
Молвил юный Евкахайнен:
«Дам любимую сестрицу,
Дочку матери любимой,
Возврати слова святые,
Ты сними с меня заклатья».
Старый верный Вейнемейнен
Возвратил слова святые,
С юного он снял заклатья.
Евкахайнен в путь пустился,
Шлем свой на глаза надвинув,
Голову склонив печально,
К дому юный приближался.
Дома мать встречала сына,
Молвила слова такие:
«Что же ты, сыночек милый,
Мой послушный и любимый,
Голову склонил печально,
Шлем свой на глаза надвинул?»
Отвечает Евкахайнен:
«Я о том теперь печалюсь,
Век свой буду сокрушаться,
Что любимую сестрицу
И твою я дочку выдал
Вековечному герою,

Лучшему из песнопевцев,
В вековечные супруги,
Что постель ему постелет,
Что подушечку подложит,
Что ему разует ноги».
Мать же сыну отвечает:
«Не печалься понапрасну,
Я свой век жила надеждой,
Целый век я ожидала
В род свой витязя большого,
Лучшего из песнопевцев,
Вейнемейнена взять зятем —
Не печалься понапрасну».

СОСТЯЗАНИЕ ЖЕНИХОВ

Старый верный Вейнемейнен
На смотрины шел к девице,
Свататься он направлялся
К девушке с косою русой,
Что живет в Похьоле мрачной;
В том селе мужчин съедают,
Там героев топят в море.
На корабль заходит старец.
Он по палубе проходит,
Паруса он поднимает,
Точно сосны на горушку,
Мачты — сухостойным лесом.
В синем море он несется,
Сидя за рулем горбатым.
Анникки-островитянка,
Кузнеца сестра младая,
Мокрое белье колотит,
Одеянье чисто моет,

Против берега морского
Стиркой занята девица.
Видит: на море чернеет
Что-то синее на волнах.
Говорит слова такие:
«Если ты — подводный камень,
Пусть тебя укроют волны,
Если там пернатых стая,
Пусть она вся разлетится;
Если рыб косяк там виден,
Пусть все рыбы уплываюот;
Если там челнок отцовский,
Если это лодка брата,
Пусть плывет домой обратно,
К пристани своей стремится;
Если в лодке Вейнемейнен,
Пусть и он домой вернется,
К пристани чужой стремится!»
Анникки-островитянка,
Ильмаринена сестрица,
Перестала мыть одежды,
Полоскать белье не стала,
Возле берега морского
Стирку прекратила дева.
Ветер раздувал одежды,
Вихрь разнес белье девицы
Вдоль по берегу морскому.
Анникки-островитянка,
Ильмаринена сестрица,
Быстро к дому подбежала,
Через двор прошла поспешно.
Молвила слова такие:
«Брат, кузнец мой Ильмаринен,
На твоей хотят жениться,
Взять хотят твою невесту,

Что ты сватаешь три года!»
Анникки-островитянка
К Вейнемейнену спешила,
Молвила слова такие:
«Ты куда собрался, Вейне,
Держишь путь, Ументолайнен?»
Молвил старый Вейнемейнен:
«Пострелять гусей поеду,
Лебедей хочу увидеть,
С длинной шеей птиц пернатых,
На реке у Туонелы,
На низинах у Маналы».
Анникки же отвечает,
Спорит девушка со старцем:
«Чую ложь в твоём ответе,
Я лгуна всегда узнаю,
Ведь не так отец мой раньше,
Мой родитель добрый славный,
Шел охотиться на гуся,
Лебедей смотреть собрался,
С длинной шеей птиц пернатых:
На цепи была собака,
Брал с собой он лук огромный,
За спиной висели стрелы!»
Молвил старый Вейнемейнен:
«Лососей ловить я еду,
Удить тайменя собираюсь
Там, в реке Туони мрачной,
На низинах у Маналы!»
Анникки же заявляет,
Спорит девушка со старцем:
«Узнаю я ложь в ответе,
И лгуна в тебе я чую,
Ведь не так отец мой раньше,
Лососей ловить он ездил,

Таймсняя ловить собрался
На реке, на Туонеле:
Невода в челне лежали,
В лодке сети находились».
Молвил старый Вейнемейнен:
«А теперь скажу я правду.
Я солгал тебе немножко:
Свататься я к деве еду,
К девушке с косою русой,
Что живет в Похьоле мрачной.
В той туманной Сариоле,
В селах диких людоедов,
Где герсев топят в море».
Анникки-островитянка,
Ильмаринена сестрица,
Получивши эти вести,
Быстро к дому псбежала,
Через двор прошла поспешно
И, под крышу забежавши.
Молвила слова такие:
«Брат, кузнец мой Ильмаринен,
Шурин матери родимой,
На твоей котят жениться,
Взять хотят твою невесту,
Что ты сватаешь три года.
Заплативши сотни марок,
Тысячу внеся за деву;
Это едет Вейнемейнен
Синим и безбрежным морем,
Сидя за рулем горбатым!»
Молвил деве Ильмаринен:
«Анникки, моя сестрица,
Натопи мне жарче баню.
Натопи-ка побкорее,
Положи дрова потоньше.

Наколи помельче щепок,
Чтобы мог себя я вымыть,
Тело щелоком очистить
От углей еще осенних
И от старой зимней гари».
Анники-островитянка
Быстренько нагрела баню,
Очень жарко натопила;
Вдоволь в бане мылся братец,
Тело щелоком очистил
От углей еще осенних
И от старой зимней гари.
Полотняную рубаху
Одевал герой на тело,
Поясочком золотистым
Подпоясывал рубаху,
Весь в сукно он одевался,
Облачался он в доспехи:
Крепче будет муж в доспехах,
Краше он в железных латах,
С поясом стальным сильнее.
Жеребца бежать заставил,
Длинногривую лошадку,
Он коня кнутом ударил;
Бил кнутом с жемчужной ручкой,
Конь бежит, и путь короче.
В темной сумрачной Похьоле
Начал лаять пес огромный,
Та собака городская,
Сторожившая весь остров,
Что сидит на задних лапах
И хвостом колотит землю.
Молвила в углу слепая
Старая хозяйка дома.

Темной Похьолы старуха:
«Ты иди смотреть, работник,
Без причин наш пес не лает,
Не рычит щенок без дела!»
Но работник отвечает:
«Можешь и сама идти ты,
Нет мне времени здесь бегать,
Расколоть дрова мне надо,
Куча дров стоит большая,
Дровосек же слабосильный!»
А все лает пес огромный.
Молвит Похьолы старуха:
«Ты смотреть иди, служанка,
Без причин наш пес не лает,
Не рычит щенок без дела!»
А служанка отвечает:
«Ты сама смотреть отправься.
Мне же некогда, как видишь.
Жернов я верчу огромный,
Мелкую муку мелю я,
А у мельника сил мало!»
Все-то лаял пес огромный,
Та собака все рычала,
Тявкала сторож островочка.
Молвит Похьолы старуха:
«Ты иди смотреть, девица,
Без причин наш пес не лает,
Не рычит щенок без дела!»
Поразведать шла девица,
Молвила, домой вернувшись:
«В санках расписных к нам едут
По земле, пустынным лесом,
И плывут в огромной лодке
По широкому заливу!»
Молвит Похьолы старуха:

«Это сваты приезжают.
За кого пойдешь ты, дочка?
Едущий в узорных санках
Славен хитростью, ухваткой,
Едущий в огромной лодке
Множество везет сокровищ;
За кого пойдешь, дочурка?»
И девица отвечала:
«Никогда у нас здесь раньше
Девушек не продавали,
Но всегда молодых красавиц
Даром замуж выдавали!»
Старый верный Вейнемейнен
Первым подоспел, приехал,
Сразу же вошел в избушку,
Поспешил зайти под кровлю,
На пол бросил рукавицы,
С головы снимает шапку.
Около дверей встает он,
Сам слова такие молвит:
«Хочет ли быть ваша дочка
Вечною моей супругой,
Курочкой моей любимой,
Для спанья готовить место,
Класть под голову подушку?»
Молвит Похьолы старуха:
«Если поле змей ты вспашешь,
Взбороздишь ты всю пожогу,
За тебя отдам дочурку;
Подними ехидн на пашне,
Змей на борозде настигни!»
Старый верный Вейнемейнен
В поле вспахивал медянок,
Взбороздил он змей на пашне.
Подержал в руках ехидну,

Змей он загребал ладонью.
Молвил он, вернувшись с пашни:
«Я вспахал медянок в поле,
Взбороздил я змей на пашне;
Отдадут ли мне девицу?»
Молвит Похьолы старуха:
«Лишь тогда дочурку выдам,
Если запряжешь гнедого,
На коня хомут наденешь
На большой зеленой ниве,
На меже полей священных!»
Старый верный Вейнемейнен
Для коня он взял упряжку,
Захватил с собой уздечку,
А затем герой шагает
На ковер зеленой нивы,
На межу полей священных,
Там гнедого запрягал он,
Надевал хомут, уздечку.
Старый верный Вейнемейнен
На восток свой взгляд бросает,
Устремляет взоры к солнцу,
Сам слова такие молвит:
«Ты отец, влалыка неба,
Небосвод раскрой скорее.
Разорви ты синий воздух.
Подними мне крышку неба.
Снегу напусти побольше
Лучшей лошади на спину.
Жеребцу священной масти,
Льдину толщиной с локоть
Наложи на лоб гнедому!»
Много снегу навалило
Лучшей лошади на спину.
Жеребцу отменной масти,

Льдину толщиною с локоть
Остудил на лбу гнедого.
Запрягал свою он лошадь,
На нее хомут надел он
На ковре зеленой нивы,
На меже полей священных».
Молвил он, вернувшись с нивы:
«Отдадут ли мне девицу?
Ведь вспахал я змей на поле.
И уже запряг я лошадь,
На нее хомут надел я
На ковре зеленой нивы,
На меже полей священных».
Молвит Похьолы старуха:
«Лишь тогда получишь дочку,
Если ты большую щуку,
Рыбу жирную доставишь
Твоей теще на гостинец
Из реки, из Туонелы!»
Старый верный Вейнемейнен
В птицу начал превращаться.
Стал он быстrokрылой птицей
И на крыльях малой пташки.
На носу орла большого
Пролетел он путь поспешно
До реки, до Туонелы,
До низин страны Маналы.
Пролетел над синим морем,
Замечал большую щуку,
Рыбу жирную увидел,
Запустил ей когти в спину.
И тогда большая щука
Увлекла орла под волны,
В черную пучину моря.

Но затем орел огромный
Трижды силу набирает,
И на третий раз та птица
Подняла большую щуку.
Рыбу жирную из моря
К яблокам, на сук дубовый,*
На сосну, верхушку древа.
Захотел он съесть кусочек
И ножом разрезал щуку
И затем большую щуку,
Рыбу жирную приносит
Своей теще на гостинцы.
Сам слова такие молвит:
«Ведь вспахал я змей на поле.
И уже запряг я лошадь
На ковре зеленой нивы,
На меже полей священных,
И тебе большую щуку,
Рыбу жирную принес я
Своей теще на гостинцы;
Отдадут ли мне девицу?»
Молвит Похьолы старуха:
«Поступил ты очень плохо.
Что ты съел кусочек щуки
И слегка, ножом разрезал!
Молвит старый Вейнемейнен:
«Без изъяна нет добычи
Даже на угодьях лучших,
А не только в Туонеле!»
Тут уж Похьолы старуха
Выдала свою дочурку
Вейнемейному седому,
Знахарю, волхву, шаману.

* Имеется в виду сказочный дуб, на котором растут яблоки.

Лучшему из песнопевцев.
Оскорблен был Ильмаринен,
И с поникшей головою
Он в свой дом родной вернулся.
Сгромоздил дрова он в кучу,
Тридцать раз за ними ездил,
Пережег дрова на угли.
Бросил золото в горнило,
Серебра к нему прибавил;
Раздувать мехи поставил
Слуг, работников поденных.
А рабы те раздували, —
Руки их без рукавичек,
Плечи вовсе не покрыты, —
В кузнице, под зимним небом.
Слуги плохо раздувают,
И мехи качают слабо.
Раздувать он сам тут начал,
Раскачал мехи разочек,
Раза два раздул горнило
И на третий раз, качнувши,
Посмотрел на дно горнила,
На края мехов горячих:
Меч там из огня выходит,
Позолочен, весь сияет.
Был бы меч хорош собою,
Ежедневно просит жертву.
Меч тот он в огонь бросает,
Золота он добавляет,
Серебра же слиток полный.
Раздувать рабов поставил.
И рабы мехи раздули,
Те мехи под зимним небом.
Руки их без рукавичек,

Плечи вовсе не покрыты;
Слуги плохо раздувают
И мехи качают плохо.
Снова сам он раздувает.
Раскачал мехи разочек,
Раза два раздул горнило
И на дно горнила смотрит,
На края мехов горячих:
Из огня бежит жеребчик,
Конь тот с золотистой гривой.
Был бы конь хорош собою,
Но лишь нрав плохой имеет:
Каждый день кобылку губит.
Жеребца в огонь бросает,
Золота он добавляет,
Серебра же слиток полный.
Раздувать мехи поставил
Слуг, работников поденных.
И рабы те раздували, —
Руки их без рукавичек,
Плечи вовсе не покрыты, —
В кузнице под зимним небом;
Слуги плохо раздувают
И мехи качают плохо.
Снова сам он раздувает.
Раз он раскачал мехи те,
Раза два раздул горнило
И на дно горнила смотрит,
На края мехов горячих:
Из горнила вышла дева
С золотыми волосами.
И промолвил Ильмаринен:
«Хороша была бы дева!»
Сразу первую же ночью
Вместе с молодою девою

Отдыхает Ильмаринен
На перине, ложе мягком,
На подушках отдыхает.
Одеялом он накрылся,
Лег он с ней под теплой шубой;
Бок, касающийся девы,
От мороза леденеет,
Лишь накрытый одеялом
Бок остался не холодным.
Так он ночью отдыхает
Вместе с молодой девой,
Что из золота он сделал,
Что из серебра отлил он.
Вот уже на третью ночь
Теплой шубой он накрылся;
И накрытый одеялом,
Сшитым из суконных тряпок,
Бок остался не холодным;
Бок же, что касался девы,
Изготовленной из золота
И из серебра отлитой,
Был холодным, как сосулька
Бок весь инеем покрылся,
В лед морской он превратился,
Стал он твердым, точно камень.
И кузнец в огонь бросает
Свою деву золотую,
Золота в огонь добавил,
Сам слова такие молвил:
«Никогда не надо делать
Людям деву золотую
И серебряную деву;
Блеск у золота холодный.
Пусть никто вперед на свете
Из людей всех поколений

Собираться не захочет
В путь за девушкой заморской.
Пусть никто вперед на свете
Из людей всех поколений
Не идет соревноваться
С Вейнемейненом в женитьбе!»

ПОСЕЩЕНИЕ ТУОНЕЛЫ

Пиво в Пяйвеле варили,
Пир на острове справляли,
Пиво в бочке зашумело:
«Коль меня никто не выпьет
Из пирующих героев,
Я сломаю дно бочонка».
Вот уже певца искали,
Но нигде не находили.
Тут певцом приводят щуку,
Не умеет петь та щука,
У слюнявой нет сноровки.
Зубы редкие у щуки.
Лосося певцом приводят.
Не умеет петь тот лосось.
Зубы редкие у рыбы.
Вейнемейнена приводят,
Чтобы пел он песни людям.
Куковал бы, как кукушка.
Мудрый старый Вейнемейнен
Сразу залпом выпил пива,
А затем и петь он начал,
Стал трудиться он над песней.
Пел он день и два дня целых,
А на третий день сломались
Сани у певца от песен.

Полоз у саней сломался
Под певцом, в санях сидящим,
На большом пиру Пяйвелы,
Где весь остров пир справляет.
Мудрый старый Вейнемейнен
Произнес слова такие:
«Встречу ли у молодежи.
В подрастающем народе,
Здесь, в большой людской общине,
Здесь, в большом отцовском роде,
Кто бы лошадь из Туони,
Из Маналы мне привел бы,
Сани новенькие сделал,
На коне верхом приехал?»
Молодежь тут отвечала.
Старики же ей вторили:
«Нет средь этой молодежи,
Нет в огромном этом роде,
Кто бы лошадь из Туони,
Из Маналы той привел бы,
Сани новенькие сделал,
На коне верхом приехал;
Многие туда ходили,
Мало кто там жив остался,
Мало кто и возвращался».
Мудрый старый Вейнемейнен
Сам за лошадью в Туони,
За конем пошел в Маналу,
Сани новенькие сделал,
На коне верхом поехал;
Он проходит путь короткий,
Он шагает и приходит
Прямо к той реке Туони,
Там кричит он во весь голос:

«Дай мне лодку, дочь Туони,
Дай карбас, дитя Маналы,
Чтоб пролив мне переехать,
По реке туда добраться».
Молвят дочери Туони,
Девушки с героем спорят:
«Ты зачем пришел в Маналу,
По каким делам в Туони?»
Молвил старый Вейнемейнен:
«Взял меня сюда Туони,
В Ману удалил со света».
Молвят дочери Туони:
«Ложь видна в твоём ответе,
А лгуна узнать нетрудно;
Если б в Ману взял Туони,
То огонь в устах виднелся б».
Молвил старый Вейнемейнен:
«Привела вода в Маналу,
Волны бросили в Туони».
Молвят дочери Туони,
Девушки с героем спорят:
«Ложь видна в твоём ответе,
И лгуна узнать нетрудно;
Коль вода вела б в Маналу,
То текла б вода по платью,
По одежде бы струилась».
Молвил старый Вейнемейнен:
«Если я и лгал немного,
То теперь скажу всю правду:
Сталь вела меня в Маналу,
Меч железный — в край Туони».
Молвят дочери Туони,
Девушки с героем спорят:
«Ложь видна в твоём ответе,
И лгуна узнать нетрудно:

Если бы вело железо
В край Маналы, в край Туони,
То текла бы кровь по платью.
Быстро б красная струилась».
Молвил старый Вейнемейнен:
«Ну, теперь скажу я правду,
Хоть и лгал я здесь немного:
Был я на пиру Пяйвелы,
Пир на острове справляли, —
Был певцом я самым лучшим,
Знахарем был знаменитым;
Пел я день, второй день пел там,
И на третий день сломались
Сани подо мной от песен;
Полоз у саней сломался
Подо мной, под старым Вейне,
На большом пиру Пяйвелы,
Где весь остров на пиру был:
И за лошадью в Туони,
Я в Маналу направлялся,
Сделав новенькие сани,
На коне верхом приехав.
Дай же лодку, дочь Туони,
Чтоб пролив мне переехать,
По реке туда добраться!»
Девушка пригнала лодку,
Чтоб пролив он переехал,
По реке туда добрался;
Накормила, напоила,
Уложила спать мужчину.
Спит герой — не спит одежда.
Дочь железная Туони, —
Пальцы, ногти из железа, —
Нить железную там пряла.
И из меди пряла нити.

Сын железный из Туони,
Пальцы, ногти из железа, —
Из железа вяжет сети,
Сети медные готовит;
Вот уже несут те сети,
Поперек реки Туони,
Поперек и вдоль там ставят,
Наискось там расставляют
На просторах вод Маналы,
Чтоб не вышел Вейнемейнен,
Не ушел Ументолайнен
Из речушки Туонелы,
Из низин Маналы мрачной.
Тут-то старый Вейнемейнен,
Видит, что беда явилась,
Быстро облик изменяет,
Превращается в гадюку
И ползет, как червь железный,
Через ту реку Туони,
Через сети Туонелы,
И придя домой оттуда,
Говорил всему народу,
Молодому поколению:
«Многие туда ходили,
Но немногие вернулись —
Из реки той Туонелы,
Из низин Маналы мрачной;
Никогда, сыны родные,
Также взрослые мужчины,
Как и старики седые,
Жеребца из Туонелы,
Из Маналы не водите.
Сделав новенькие сани,
На коне верхом проехав».
Снова старый Вейнемейнен

Стал играть, и петь он начал,
Чтобы слышали те песни
Молодое поколение,
Пожилые, старцы, дети.

БЕЗЫМЕННЫЕ БОЛЕЗНИ

Старый верный Вейнемейнен,
Заклинатель вековечный,
В роде лучший песнопевец,
Слышит, что лежит Вейнелэ.
Там лежат сыны Вейнелэ,
Заболели все в Войоле
Безыменную болезнью
Так, что пол гниет под ними,
Потолок покрылся гнилью.
И вот старый Вейнемейнен,
Слышит, что лежит Войола,
Унтамола вся болеет
Безыменную болезнью,
Неизвестною болезнью,
Так, что пол гниет под людом,
Потолок покрылся гнилью.
Старый верный Вейнемейнен
Ставит на огонь горшочек
И варить в нем начинает:
Мазь кипела в том горшочке,
Три дня летних мазь варилась
И три ночи, долгих, зимних,
Мазь уже совсем готова
Против той болезни жуткой.
Мудрый старый Вейнемейнен
Пополам разбил он камень,
На три части тот горшочек

И обломки смазал мазью;
«Но крепка ли эта мазь-то,
И годится ли лекарство?»
Пристает тут камень к камню,
И куски горшка срослися.
Так то снадобье годилось,
Так сильно было лекарство.
Вылечилась вся Войола
От болезни безыменной,
От болезни неизвестной.

ПОГОНЯ ЗА ЛОСЕМ

Был прекрасен Кейретуйнен,
Был, как Вейтиikka, здоров он;
Осенью он делал лыжи,
А весной он делал палки.
Изготовил лыжи парень
Слово он тогда промолвил:
«Нет в лесу такого зверя,
Нет таких четверногих,
Нет таких зверей на свете,
Кто бы не был мной обогнан
На Калевы сына лыжах».
Хвастовство то слышал Хийси,
Юттахи про то узнали.
Лося изготовил Хийси,
Юттахи — оленя-лося:
Голова из пня гнилого,
Из жердей спина у лося.
Вместо ног тростник прибрежный.
Поручает Хийси лосою
Пробежать по всей вселенной,
Сам слова такие молвит:

«Ну-ка побеги, лось Хийси».
Хийси лось стремглав помчался,
Побежал олень прекрасный,
Через все кладовки Ахти,
Через Вейтикковы двери.
Дети у лапландцев плачут,
Засмеялись жены в Лопи.
Стали лаять их собаки.
На огонь котел лось пролил,
Опрокинул он кадушку,
Вывалил в золу все мясо,
На очаг похлебку вылил;
Все бежит лось беса Хийси,
Все бежит олень прекрасный.
Вейтикка домой приходит,
Говорят тут ему дети:
Мимо мчался лось от Хийси,
Пробежал олень прекрасный,
Благородный зверь пронесся,
Лаяли собаки наши,
Засмеялись жены в Лопи,
И заплакали детишки;
На огонь котел лось пролил,
Опрокинул он кадушку,
Мясо вывалил он в пепел,
На очаг похлебку вылил».
Все бежит лось беса Хийси,
Все бежит олень прекрасный.
И вот Вейтикка здоровый
Очень сильно рассердился,
Лыжи он на снег бросает,
Он на твердый наст их ставит.
У него те лыжи были.
Точно ястреб, ввысь парящий.
Палки лыжные приносит,

Палки две он к лыжам ставит.
В марку оценил он палку,
А другую — в мех лисицы.*
Первый раз он лыжей двинул —
Тотчас же из виду скрылся,
Как скользнул еще второй раз —
Тут его не стало слышно.
С третьим разом попадает
(Хоть при том сломалась лыжа,
Хоть другая и погнулась,
Хоть и палка разломилась) —
К лосю прямо он на спину,
На прекрасного оленя.
По спине он лося гладит:
«Хорошо бы тут мне было
Отдохнуть, поспать немного
С молодой девицей рядом!»

КАВКОМЬЕЛИ В ПЯЙВЕЛЕ

Пир готовили в Пяйвеле,
Шайкой тайною — попойку.
Звали всех хромых, убогих,
Всех слепых безли на лодках.
На санях везли убогих.
Лишь красивый Кавкомьели
Не был зван на ту попойку,
И красивый Кавкомьели
Вымолвил слова такие:
«Слушай, мать моя родная.
Мне военные доспехи
Принеси сюда скорее, —
Я на пир Пяйвелы еду,

* Меха в древности служили деньгами.

На попойку Сариолы».
Мать советует не ехать,
Отговаривают девы,
Воспрещают три девицы:
«Ах, не собирайся, Кавко,
Много на пути препятствий
И чудес ты повстречаешь!»
— «Чудо первое поведай!»
— «На горе увидишь колья,
Головы на этих кольях,
И один лишь кол остался, —
Головы твоей ждет, Кавко.»
Отвечает Кавкомьели:
«Уж я знаю, что тут сделать,
Череп мертвеца возьму я,
Череп я возьму в могиле,
Насажу на кол свободный».
Снова он слова промолвил:
«Слушай, мать моя родная,
Мне военные доспехи
Принеси сюда скорее, —
Я на пир Пяйвелы еду,
На попойку Сариолы!»
Мать советует не ехать,
Отговаривают девы,
Воспрещают три девицы:
«Ой, не отправляйся, Кавко,
Много на пути препятствий
И чудес ты там увидишь!»
— «Опиши второе чудо!»
— «Водопад кипучий встретишь,
В нем горящую березу,
На березе той орлицу,
Что ночами зубы точит,
Днями когти заостряет,

Смерть тебе готовит, Кавко!»
«Но я знаю, что тут делать,
Как мне справиться с бедою:
Сделав из ольхи героя,
В когти острые орлице,
В пасть его орлице брошу,
Мимо так пройти сумею
И останусь невредимым.
Слушай, мать моя родная,
Мне военные доспехи
Принеси сюда скорее!»
Мать советует не ехать,
Отговаривают девы,
Воспрещают три девицы:
«Ах, не отправляйся, Кавко,
Много на пути препятствий
И чудес ты там увидишь!»
— «Укажи мне третье чудо!»
— «Волки там в цепях у входа,
И медведей с цепью длинной
У ворот ты там увидишь,
Растерзать тебя готовых».
— «Уж я знаю, что тут сделать,
Пригоню овечек стадо,
Гурт овец с курчавой шерстью
Брошу в рот волкам Унтамо,
Кину в пасти тем медведям,
Мимо них пройти сумею
И останусь невредимым.
Мне военные доспехи
Принеси, мать, поскорее!»
Доставляла мать доспехи,
Одеянье приносила.
Вот поехал Кавкомьели,
Череп мертвеца достал он.

Череп взял он из могилы,
Насадил на кол свободный,
Приготовленный для Кавко,
Сделал из ольхи героя,
И его послал вперед он.
Прямо в когти той орлице.
Он пригнал овечек стадо,
Бросил в рот волкам Унтамо,
Кинул в пасти тем медведям.
Так пройти сумел он мимо
И остался невредимым.
Вот и в избу он уж входит,
И под крышу он заходит;
С головы снимает шапку,
Рукавицы с рук бросает.
Подлый Руотус в рубахе
За столом пьет, обжираясь,
За столом сидит в рубахе,
Ходит босиком хозяин.
Говорит тот Кавкомьели:
«Звал хромых ты и убогих.
Всех слепых привез на лодках,
Всех хромых пригнал верхом ты,
В ковшике привез всех прочих,
Всех рассыпал на прилавок
На большом пиру Пяйвелы.
На попойке Сарюлы;
Почему меня не звали?
Из-за одного меня ведь
Твой закром не опустел бы
На большом пиру Пяйведы.
На попойке Сарюлы!»
Подлый Руотус в рубахе
Очень скоро рассердился
И слова такие молвил:

«Биться на мечах пойдём-ка,
И щиты мы там проверим;
У кого здесь меч длиннее,
У кого здесь щит красивей,
Тот мечом ударит первый!»
Отвечает Кавкомьели:
«Так пойдём на двор скорее,
На дворе мы кровь оставим.
На траве она свежее
И на вереске красивей.
Здесь запачкаем скамейки,
Новую избу испортим!»
Тут они на двор выходят,
И мечи там измеряют,
И щиты там проверяют.
Заявляет Кавкомьели:
«А ведь меч-то твой длиннее,
У тебя и щит красивей,
Мой же меч совсем не годен,
И конец в нем отломился.
Ты мечом ударишь первый!»
Подлый Руотус в рубахе
Поднял меч свой над героем.
Но не мог задеть мужчину,
Даже не царапнул кожи.
Раза два он ударяет,
Третий раз он размахнулся.
Ударял он безуспешно.
Говорил тот Кавкомьели:
«Дай-ка я мечом ударю,
Хоть и меч мой раскололся,
Хоть в нем кончик отломился!»
Голову он с плеч снимает,
Как ботву срезают с репы,
Как чешуйку у рыбешки».

Вот красивый Кавкомьели.
Голову склонил печально,
Шлем свой на глаза надвинув,
Шел домой к себе поспешно;
Мать идет ему навстречу:
«Сын мой младший, ненаглядный,
Дитяtko мое родное,
Почему ты так печален,
Шлем свой на глаза надвинул
И идешь домой поспешно?
Или чаркой ты обойден
На пиру большой Пяйвелы?»
«Что ты, мать моя родная,
Если б чаркой был обойден,
То убил бы сто героев,
Тысячу бы искалечил!»
Мать его все вопрошает:
«Иль ты женщиной осмеян?»
— «Что ты, мать моя родная,
Женщиной я не осмеян, —
Соблазнил бы я сто женщин,
Тысячу я осмеял бы».
Мать же снова вопрошает:
«Или конь был твой осмеян
На большом пиру Пяйвелы?
Ты купи коня получше,
На добро купи, на деньги,
Что копил отец твой, Кавко!»
— «Что ты, мать моя родная,
Если б конь мой был осмеян,
Сто коней я осмеял бы,
Тысячу бы я испортил.
Слушай, мать моя родная,
Я о том горюю, плачу.
Что убил в бою героя

На большом пиру Пяйвелы,
На попойке Сариолы,
И, убив в бою героя,
Я теперь не знаю места,
Где бы скрыться мне от мести
И куда бы убежать мне!»
Отвечала мать сыночку:
«Раньше твой отец скрывался
На земле за синим морем,
Там во время войн скитался
В год изгнания родитель».
Тут красивый Кавкомьели
Ко своей подходит лодке:
Снарядил ладью в дорогу,
На ладью он парус поднял,
Точно сосенку на горку;
Синим морем он несется
Прямо к острову за морем,
На котором нет деревьев.
Там слова такие молвил:
«Есть ли здесь — на островочке —
Для меня земли немножко,
На которой жить бы мог я
И в изгнании скрываться?»
Молодежь вся отвечает,
Старики все заявляют:
«Есть на островочке место,
Есть земли здесь сколько хочешь,
На которой жить бы мог ты
И в изгнании скрываться».
Люди помогают Кавко
Лодку затянуть на сушу,
Чтобы та ладья сушилась.
Тот красивый Кавкомьели
На заморском островочке

За одну лишь ночку летом
С сотней девушек сошелся.
Тысячу невест наведаль.
И красивый Кавкомьели
На другой уже денечек,
Рано утречком, с рассветом,
Десять деревень проехал,
Полдесятой деревеньки,
Не было такого дома,
Не было такой избышки,
Где бы днем не находили
Трех отважнейших героев.
Не было мужчин в избышках,
Кто там меч свой не точил бы —
Все на шею Кавкомьели.
Тут красивый Кавкомьели
Видит, что идет несчастье,
Чует, что беда настигла.
Наш герой решил однажды
Удалиться незаметно.
Рано поутру проснувшись,
Он слова такие молвил:
«Вот и солнышко восходит,
Солнце милое на небе.
Встать не мог я с петухами,
Ведь петух цыпляют лишь будит;
Вот и солнышко восходит,
Солнце милое на небе, —
Не успел обнять красавиц,
Полюбезничать со всеми».
В море он ладью направил,
Парус на ладью он поднял.
Синим морем плыть пустился,
Сидя за рулем согнутым.
Плачут девы с островочка. —

Все на острове невесты, —
Видя парус уходящий,
Чуть виднеющийся парус.
И слова такие молвят:
«Не по парусу мы плачем,
Не о парусе горюем,
Плачем и о том скучаем,
Кто под парусом несется».
Плакал также Кавкомьели.
Всматриваясь в дальний остров.
Видя церковь на горюшке,
Сам слова такие молвил:
«Не по острову я плачу,
Не по церкви я горюю,
Плачу я по левам милым,
Что на острове остались»
Так он всю дорогу плакал

ЛЕММИНКЯЙНЕН

Жил-был старый Лемминкяйнен,
Он всегда ходил рыбачить,
Взяв с собой рыбачьи снасти,
Удил на мысу туманном,
Что на острове виднелся.
Медная уда дрожала
И серебряная леска.
Лемминкяйнен же все удил.
Как-то раз, лишь солнце встало,
Рано утром он увидел:
Рыба на крючок попала,
Таймень на крючок железный.
Вытащил он рыбу в лодку,
И на дно ладьи он бросил,

Сам же про себя он молвил:
«Чтоб сигом быть — слишком гладка,
Щука — та не так прохладна,
Плавников нет — был бы лосось;
Нет волос, чтоб быть девицей!
Если б здесь была мотыга
Или же резак для прутьев, —
Лосося бы я разрезал,
Приготовил бы я рыбу,
На обед себе зажарив,
Или б к завтраку оставил.
Лососину, что зажарил.
Ускользнул тот лосось в море,
Рыба пестрая поплыла
И затем лишь приподнялась,
Пятый вихрь пронесся мимо,
На шестом поднялась вале,
На волне морской девятой,
И сама ловцу сказала:
«Эх ты, хитрый Лемминкяйнен,
Был ты глуп и не разумен,
Коль не мог ты догадаться,
Для чего я появилась.
Лососиной не хочу быть:
Чтобы ты меня зажарил,
На обед бы приготовил
И на завтрак бы оставил
Лососину, что зажарил.
Ведь к тебе я собиралась
Вековечною супругой*
Убирать твою постельку
И сбивать твою подушку!»
Так сказав, волной покрылась.

* Девушка в образе лосося соответствует русской русалке.

И тогда наш Лемминкяйнен,
Голову склонивши низко,
Шлем свой на глаза надвинув,
Шел к себе домой поспешно.
Дома мать его встречала:
«Сын мой младший, ненаглядный,
Чем же ты так опечален,
Шлем свой на глаза надвинул?»
Сын ей отвечал сердито:
«О, родная мать, послушай,
Рыбу удить я поехал
И с рыбачьими снастями
Удил на мысу туманном,
Что на острове виднелся.
Медная уда дрожала
И серебряная леска.
Рыба на крючок попала,
Вытащил я рыбу в лодку
И на дно ее я бросил,
Сам же про себя так молвил:
«Что б сигом быть — слишком гладка.
Щука же — не так прохладна,
Плавников нет, — был бы лосось.
Если б здесь была мотыга
Или же резак для прутьев,
Лосося бы я разрезал,
Приготовил бы я рыбу,
На обед себе зажарив
Или б к завтраку оставил
Лососину, что зажарил.
Ускользнул тот лосось в море,
Рыбка пестрая поплыла
И затем лишь приподнялась;
Пятый вихрь пронесся мимо,
На шестом поднялась вале,

На волне морской девятой,
И сама мне так сказала:
«Был ты глуп и неразумен,
Коль не мог ты догадаться,
Что к тебе я собиралась
Убирать твою постельку!»
Так сказав, волной покрылась.
Говорил еще сын Лемпи:
«Сообщи свой сон, Унтамо,
Где же спит дочь старца Вейне,
Где находится Войола,
Дочки Вейне проживают?»
— «Там живет дочь старца Вейне:
На волнах за синим морем,
Там, где пестрый камень виден,
В той избе на курьих ножках,
Что замков имеет сотню,
С тысячей ключей, замочков».
Молвил хитрый отпрыск Лемпи:
«Анникки, моя сестрица,
Натопи теперь мне баню,
Курную мою избушку,*
Нанеси поленьев малых,
Ты неси растопки мелкой!»
Сам он в кузницу уходит
И ключей кует там сотню.
Уж уха давно сварилась.
И натоплена уж баня.
Жаворонком он умылся
И в красавца превратился,
Грязь осеннюю всю смывши.
Сажу зимнюю из кузни;
И холщевую рубаху

Надевал герой скорее,
Взял он золоченый пояс
На холщевую рубаху
И доспехи из железа
Надевал поверх рубахи.
Ведь в доспехах быть надежней, —
В тех железных одеяньях,
В панцире герой сильнее; —
Превращается он в зверя;
Изменяет лик поспешно.
Пробегал тайгу он волком,
В роще мчался горностаем,
А в бору сосновом — белкой.
Знал искусство превращений.
Лик свой изменял поспешно,
И в змею тут превратился.
Проникал он через щели,
Через сруб проник в избушку.
Так, что даже пес не слышал.
Лайками он не замечен,
И не виден был собакам.
Вскоре Войолы хозяйка
Посредине пола встала,
На мостки встав, всполошилась:
«Эй, ты кто такой, мужчина,
Как в деревне появился,
Что не слышали собаки,
Не заметили чужого,
И не лаяли-то лайки?
Были раньше здесь собаки,
Мясо ели, кости грызли,
Кровь из ран ягненка пили!»
Молвил хитрый отпрыск Лемпи:
«Ведь сюда я не собрался,
Без познаний, без споровки.

* В старину вместительная печь избы одновременно служила баней.

Без уменья и без толку
В волчьих пасти, Унтамойнен,
В пасть проклятых дев, медведей,
Видимо, я гость не милый,
Раз мне пива не приносят,
Раз не подают пришьельцу,
Пива, чтобы зять напился?»
Молвит Войолы хозяйка:
«Коль пришел бы на ночь раньше,
Либо на денек позднее, —
На мою пришел бы гибель,
Унижать меня приехал.
Все здесь выпили и съели.
Опрокинуты все чарки,
Собраны все кружки в кучу».
Сам на двор он забегает,
Кружку пива он приносит,
Двухушастой кружкой носит.
Много змей кишело в кружке.
Змеи в кружке извивались,
Пиво пеною покрылось.
Тут-то хитрый отпрыск Лемпи
Руку в свой карман засунул,
В кошелек он сунул руки,
Взял из кошелька крючок,
Крюк железный из кармана,
Опустил крючок тот в пиво,
На крючок змея попала,
На железный крюк ехидна.
Сто лягушек поднял крючком,
Тысячу он черных гадов,
Сам слова такие молвил:
«Грязь я выброшу на землю.
Пиво же я мигом выпью!»
Выпил пиво он на счастье,

Мед тот черный на здоровье.
Сам слова такие молвил:
«Видимо, я гость не милый,
Коли не приносят пива,
Подобающего гостю,
Зятю, что сюда приходит,
Коли скупость проявляют,
Не дают большой посуды,
Коль быка не убивают».
Запевал он сам тут песню,
Стал он заклинять словами,
Превратил младых и старых,
Взрослых полной силой песни,
В золото с холодным блеском.
В серебро он превратил их.
Одного лишь не заклиал он, —
То был старец Улаппалы,
Тот слепой и дряхлый старец,
Что всегда посуду моет,
Что здесь ложки вытирает,
И скоблит здесь сковородки, —
Тот оставлен не заклитым.
И тогда тот старец молвил:
«О ты, хитрый отпрыск Лемпи,
Всех заклиал ты, старых, юных,
Пожилых всех, силой песни.
Отчего дал мне пощаду?»
Этот хитрый отпрыск Лемпи
Говорил слова такие:
«Оттого я дал пощаду,
Что когда еще был молод
И носил собак в утробе,
В печени таил ты злобу, —
Лошадей всех перепортил.

Жеребят всех искалечил
По полям и по болотам,
По колеблющейся почве».
Дряхлый старец Улапалы,
Тот слепой и дряхлый старец.
Был в обиде очень злобен,
Из воды ехидну поднял,
И змею из вод холодных
Он вонзил герою в сердце.
Молвил хитрый отпрыск Лемпи.
«Поступил я очень дурно, —
Что у матушки родимой
Не спросил я заклиний
От змеиных жал смертельных,
И укусов злой ехидны»,
Дряхлый старец Улапалы
Относил к реке героя,
Снес его на берег речки,
Погрузил он сына Лемпи
В воды черные Туони.
На течениях Маналы
Несся он по водопадам,
По теченью он носился...
Прежняя жена героя,
Раньше взятая хозяйка
Проживала в доме Лемпи.
Бык большой мычать принялся,
Тот огромный бык, рогатый,
Что был съеден прошлым летом:
Сапоги из шкуры сшили,
Сапоги уж износились.
Показалась кровь в гребенке,
Капля красная из щетки.
Молвила жена героя,

Раньше взятая хозяйка:
«Пропадает Лемминкяйнен,
Погибает муж мой милый!»
Вот уж ищут сына Лемпи
Лето все на лодках легких,
А зимой на лыжах скользких —
Но найти его не могут.
И тогда жена героя,
Раньше взятая хозяйка,
Кузнеца пошла проведать.
Грабли в кузнице сковала,
В сотню сажен зубья грабель,
В двести сажен — ручка в граблях.
Вот она вступила в воду,
По просторам вод пустилась,
Глуби моря загребала,
Волны на море подняла,
Не нашла лишь сына Лемпи.
Шла она к реке Туони,
Вдоль реки проводит грабли,
Поперек ведет другой раз,
В третий наискось проводит,
Так находит сына Лемпи;
Вот жена качает мужа,
Возвращает снова к жизни.
Молвил хитрый Лемминкяйнен:
«Из меня не будет мужа,
Из утопшего героя,
Муж пропал, коль мясо тухло!»
И тогда жена героя,
Раньше взятая хозяйка,
Подойдя к реке Туони,
Бросила его в Маналу;
Водопад его уносит

И течение морское.
Обратился он трескою,
Он в кита преобразился,
Что едят одни лишь шведы,
Господа жарким считают,
А попы так лучшим блюдом.

ЛИРИКА

Я НЕ ВИДЕЛ И НЕ СЛЫШАЛ

Никогда на белом свете
Я не видел и не слышал
Песнопевцев безупречных,
Кто бы песни пел прекрасно
Раз попал я на пирушку,
Бородатые там пили;
И с достоинством запел я
Те слова, что раньше слышал,
Что заимствовал от дедов,
Чтобы слышали все люди,
Чтобы радовались люди.
Пел растущей молодежи,
Пел я для всего народа...
В старину любой охотник
Иначе, чем в наше время,
Собирался на охоту,
Шел охотиться на зверя.
Раньше наш народ повсюду
Верил в силу заклинаний.
Старики собак поднявши,
Себе в бороды бормоча,
К лесу с просьбой обращались.

С мольбами к владыке леса:
«Ты прими нас, лес, достойно,
Приюти нас в чаще шумной.
Нас — охотников, Тапио,
Ты направь на след звериный.
Сделай так, лесной владыка,
Чтобы чуяла собака
На морозе и по ветру,
В бурю, в дождь и непогоду,
Чтобы след не потеряла,
По следу бы шла собака!
Мелкки, хозяйка леса,
Куллерво ты дочь, Тапио,
Ты в рубашке тонкой пряжи,
Вдалеке меня завидев,
Как шагаю я по лесу,
Приспособь кудель золотую,
Нитку синюю сотки мне,
Из кудели золоченой
Медную сотки, красotka,
Сделай синюю мне нитку, —
Чтобы синий лес пройти мне.
Золото мы поджидаем,
Серебро мы добываем,
В том лесу по кочкам синим,
По корням лесных деревьев».

МНОГО СНЕГУ НАВАЛИЛО

Много снегу навалило,
Много нанесло снежинок
После осени на землю.
Снег скрыл зимнего зайчонка.
И тогда мне захотелось
Прогуляться по полянам,

Обновить тот наст из снега;
Нет на нем следов зайчонка.
Нет следов и лыж мышинных.
Что тогда охотник скажет?
У меня всегда обида,
На душе бывает горько.
Видя, что другие — с дичью,
Что догадливы другие.
Я один сижу без дичи.
Без лесной сижу добычи.
Почему творец рассержен.
Почему не даст он дичи?
Ведь кормил наш род он раньше,
И давал он предкам пищу.
Почему меня не кормит
На больших пожогах рода
Как кормил он наше племя?
Ведь другие-то не лучше.
Все охотники на славу.
Все они живут охотой,
Хитростью все дичь находят.
Все охотятся с обманом.
Хитростей лишь я не знаю.
Не люблю я и обмана.
Почему не дашь мне дичи?
Обещай мне дичь, создатель.
На весь век мой, на все время.
Мне, охотнику младому.
Многого ведь не прошу я.
Но и малым не доволен.
Я прошу побольше дичи.
И хочу иметь я шкурки
У себя перед глазами
Жажду я всегда добычи.
Молодой годами парень.

ЩУКА ЗНАЕТ ДНО ОЗЕРКА

Щука знает дно озера,
Птиц же всех орлица знает,
Ветер знает все пространства,
И лишь я не знаю, бедный,
Как мне быть и как мне жить здесь,
В этот возраст престарелый?
Исчезают ломти хлеба;
Как зажгу в избе лучину
Иль воды снесу я в баню,
Так огонь сожжет избушку,
А вода зальет всю баню.
Но печаль мы в море бросим,
Уничтожим силой песни.
Пусть в веселье век проходит,
Пусть здесь радость воцарится.

ВИДЯТ ТЕ, КТО БЫЛ В УТРОБЕ

Видят те, кто был в утробе,
Все родившиеся знают,
Все, кто только петь умеют, —
Кто поставил эти горы,
Кто собрал людей в общину.
Пиво пьют из кружек люди,
Льют из одного кувшина,
Точно маленькие дети
Вокруг матери родимой,
Точно зяблики лесные,
Точно малые утята.
Мать советует сыночку,
Женщина, что горе видит,
Что заботится о сыне,

Поучает она сына:
«Мой сыночек, сын мой младший,
Дитяtko мое родное,
Если будешь на пирушке,
Если пригласят пить пиво,
Выпей половину кружки,
Остальное дай ты выпить
Гостю худшему из худших!
Лишь тогда ты будешь мужем,
А скамейку уступи ты
Гостю худшему из худших».
В подрастающем народе.
Мать советует сыночку —
Женщина, что все видала:
«Ах, сынок мой ненаглядный,
Мой сыночек самый младший,
Дитяtko мое родное,
У церкви не обручайся
И чулок не одевай там,
Красных не держи шуручков.
При женитьбе, мой сыночек, —
Подбери жену по росту,
Выбери жену у камня,
Возле ступки для соломы
С потным чепчиком невесту,
У которой пыль на ляжках
И в муке по локоть руки.
Лишь тогда ты будешь мужем,
Лишь тогда героем будешь,
С добрым именем мужчиной».

ИВА СТАРШЕ ВСЕХ ДЕРЕВЬЕВ

Ива старше всех деревьев,
Всех земель старше — кочки.

Ерш в воде — породы рыбьей.
Все синицы — родом птицы.
Щука мечет в заморозки,
Класть икру умеет в бурю.
Но горбатый окунь робок.
В омут осенью уходит,
А икру он мечет летом.
Плещется плотва в озерке,
Точно жеребенок резвый.
Жить тюленю превосходно.
Лососей на воле ловит,
И сигов он поглощает.
Запивает их водицей.
Сиг живет на плоскодонье,
Он живет на ровном месте.
Редко щука в гости ходит,
Сиг же не гостит вовеки,
Не ходил и лосось в гости.
Спный свет сигу не ведом,
Как овце не ведом красный...
Рылом в дуб свинья уткнулась
И не знает, как здесь быть ей...
Братец милый, младший братец!
Песнопевцы напевают,
Что из уст свободно льется,
Что рождается в мгновенье,
Чтобы слышали родные,
Чтобы люди восхищались,
Молодое поколение.

САМ СПОЮ Я ПЕСНИ ДЕДОВ

Сам спою я песни дедов,
Передам здесь в древних рунах
Все слова, что раньше слышал.

Все, которым научился.
Слов же раздобыл я много,
Находил их на дорогах:
Из травы слова натерты,
Подарил слова мне вереск.
Был я пастушонком малым,
Пас немалое я стадо;
Я ходил тогда по кочкам,
У камней стоял у пестрых,
Около камней огромных.
И нашел я слов там много,
Все слова закрыл в кладовку;
В золоченый кошелечек,
В медный ларчик их запрятал.
И когда наступит время,
Ларчик песен я открою,
Крышку пеструю откину,
На колени ларь поставлю.
Хватит слов тогда про Самно
И про сына Лемпи песен...

ДАЖЕ ЛУЧШИЙ ПЕСНОПЕВЕЦ

Даже лучший песнопевец
Не поет своих всех песен.
Как и водопад бурный
Всей воды не исчерпает.
Он дорогу прорубает.
Он показывает вехи
Лучшим песнопевцам рода,
Кузнцам народных песен.

6. **Погоня за лосем** — записано в 1834 г. Э. Ленротом, см. SKVR, I, 865. Сюжетно мало отличается от большинства севернокарельских вариантов. Наиболее близкие варианты записаны от современников А. Перттунена — В. Ямала и Ю. Кеттунена, см. SKVR, I, 867, 879. Ср. «Калевала», руна 13.

7. **Кавкомьели в Пяйвеле** — записано в 1834 г. Э. Ленротом, см. SKVR, I, 759. Вариант, записанный от Архипа в 1839 г. Кастреном (см. SKVR, I, 759-а), значительно отличается от записи Ленрота контаминацией нескольких сюжетов. Ср. «Калевала», руны 20, 26, 27, 28.

8. **Лемминкяйнен** — записано в 1834 г. Э. Ленротом, см. SKVR, I, 251. Редкий в такой контаминации мотивов вариант руны: большинство вариантов ограничивается мотивом о поимке рыбы, оказавшейся русалкой Велламо (см. SKVR, I, 242—280). Мотивы об убийстве Лемминкяйнена и его воскресении характерны лишь для некоторых вариантов руны. Ср. «Калевала», руны 5, 14 и 15.

ПРИМЕЧАНИЯ

Карельские тексты всех публикуемых в настоящем сборнике избранных рун в записи от Архипа Перттунена печатались в первых книгах многотомного издания «Suomen kansan vanhat runot», на соответствующий том и вариант сокращенного обозначения которого — SKVR и делаются нижеследующие ссылки.

I. ЭПОС

1. **Сампо** — записано в 1834 г. Э. Ленротом, см. SKVR, I, 54. Близкие варианты руны сына Архипа — М. А. Перттунена, см. SKVR, I, 58. Современник Архипа Перттунена — Андрей Малинен из села Войницы (северная Карелия) знал краткий вариант руны о Сампо, см. SKVR, I, 79. Ср. «Калевала», руны 1, 6, 7, 10, 18, 39, 42, 43 (частично).

2. **Состязание в пении** — записано в 1834 г. Э. Ленротом. Запись незначительно разнится от вариантов других сказителей, см. SKVR, I, 170. Ср. «Калевала», руна 3.

3. **Состязание женихов** — записано в 1834 г. Э. Ленротом. См. SKVR, I, 469. Из 80 севернокарельских вариантов старой записи этой руны наиболее близки записи от сына Архипа Перттунена — Михаила Архиповича. Эпизоды и мотивы этой руны А. Перттунена размещены Ленротом в разных рунах «Калевалы».

4. **Посещение Туонелы** — записано в 1834 г. Э. Ленротом, см. SKVR, I, 364: распространенная в Карелии руна. Ср. «Калевала», руна 14.

5. **Безыменные болезни** — записано в 1834 г. Э. Ленротом, см. SKVR, I, 608. Ср. «Калевала», руна 45.

II. ЛИРИКА

9. **Я не видел и не слышал** — записано в 1834 г. Э. Ленротом, см. SKVR, I, 4, 1096. Исполнялась при неудачной охоте. Публикуется начало песни.

10. **Много снега навалило** — записано в 1834 г. Э. Ленротом, см. SKVR, I, 4, 1096. Исполнялась в связи с неудачной охотой.

11. **Щука знает дно озера** — записано в 1834 г. Э. Ленротом, см. SKVR, I, 1420.

12. **Видят те, кто был в утробе** — записано в 1834 г. Э. Ленротом, см. SKVR, I, 2005. В отличие от других своих рун эту песню сказитель усвоил, видимо, от матери.

13. **Ива старше всех деревьев** — записано в 1834 г. Э. Ленротом, см. SKVR, I, использована в третьей руне «Калевалы» о состязании в пении.

14. **Сам спою все песни дедов** — записано в 1834 г. Э. Ленротом, см. SKVR, I, 1278. Ср. «Калевала», руна 1 (частично).

15. **Даже лучший песнопевец** — записано в 1834 г. Э. Ленротом, см. SKVR, I, 1347. Ср. в «Калевале» заключение руны 50.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Певец рун Архим Перттунен	3
Эпос	
Сампо	11
Состязание в пении	23
Состязание женихов	26
Посещение Туонелы	39
Безыменные болезни	44
Погоня за лосем	45
Кавкомьели в Пяйвеле	47
Леммикийнен	55
Лирика	
Я не видел и не слышал	55
Много снегу навалило	66
Шука знает дно озера	68
Видят те, кто был в утробе	68
Ива старше всех деревьев	69
Сам спую я песни дедов	70
Даже лучший песновец	71
Примечания	72

Редактор *Ф. Элиашберг*
Технический редактор *Т. Ессеева*

Подписано к печати 2 ноября 1948 г.
4,75 печ. листа. 4,5 уч.-изд. листа.
Формат бумаги 82 × 108¹/₃₂.
Заказ № 524. Госиздат К-ФССР № 72.
Е—04998. Тираж 10.000. Цена 3 руб.

Книжная типография Управления
полиграфической промышленности
при Совете Министров К-ФССР.
г. Сортавала, Карельская ул., 32.